

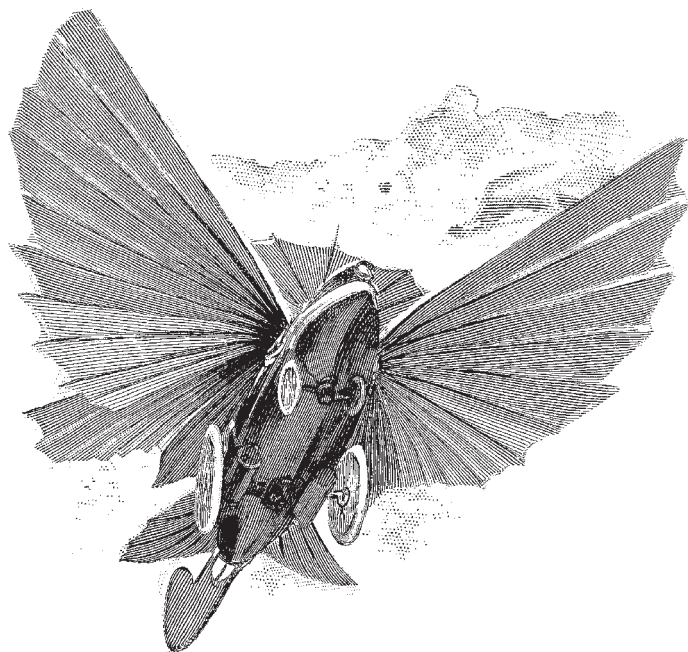
БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

ЖЮЛЬ ВЕРН

ЖЮЛЬ ВЕРН

Робур-Завоеватель.
Властелин мира

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЛЕОНА БЕНЭ И ЖОРЖА РУ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2018

УДК 821.161.1
ББК 84.(Франц.)6-5
В35

Перевод с французского
Я. Лесюка, Д. Лифшиц, А. Тетеревниковой

Рисунок на переплете
И. Воронина

Верн Жюль

В35 Робур-Завоеватель. Властелин мира / Пер. с фр. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 325 с.: ил.— (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2695-9

Сборник составили романы знаменитой дилогии Жюль Верна «Робур-Завоеватель» и «Властелин мира», рассказывающие о приключениях гениального ученого Робура, который стремится с помощью своих изобретений завоевать весь мир.

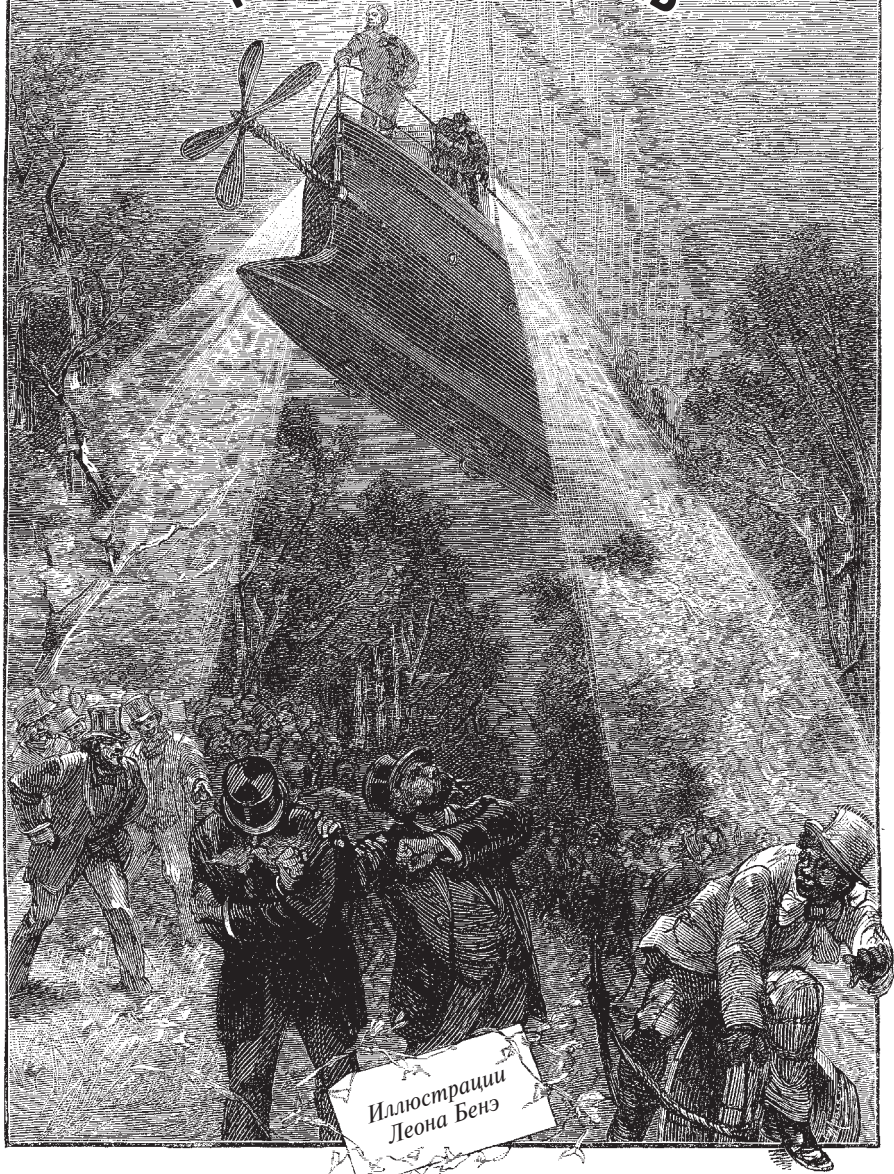
Издание снабжено 111 иллюстрациями известных французских художников Леона Бенэ и Жоржа Ру.

УДК 821.161.1
ББК 84.(Франц.)6-5

ISBN 978-5-9922-2695-9

© Перевод Я. Лесюка. Наследник, 2018
© Перевод А. Тетеревниковой. Наследники, 2018
© Перевод Д. Лифшиц. Наследники, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

РОБУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Иллюстрации
Леона Бенэ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
*в которой мир ученых и мир невежд
в равной мере приведены в замешательство*

Паф!.. Паф!..

Два pistolетных выстрела прозвучали почти одновременно. Одна из пуль угодила в спину коровы, которая паслась шагах в пятидесяти от места дуэли. А ведь она не имела никакого отношения к ссоре.

Ни один из противников не пострадал.

Но кто же были эти два джентльмена? Никто не знает. А между тем именно здесь, казалось бы, весьма уместно сообщить их имена потомст-

ву. Можно с достоверностью утверждать лишь одно: старший из них был англичанин, младший — американец. Что касается места, где бессловесной твари довелось в последний раз отведать травы, то указать его ничего не стоит. Случилось это на правом берегу Ниагары, по соседству с висячим мостом, который соединяет американский берег реки с канадским, в трех милях ниже водопадов.

Англичанин приблизился к американцу.

— Я по-прежнему утверждаю, что то был гимн «Правь Британия»! — заявил он.

— Нет! «Янки Дудл»! — возразил его противник.

Ссора грозила вспыхнуть с новой силой, но тут — несомненно в интересах охраны скота — вмешался один из секундантов.

— Помирился на том, что мы слышали «Рул Дудл» и «Янки Британия», — воскликнул он, — и пойдем завтракать!

Ко всеобщему удовлетворению, компромисс между национальными гимнами Соединенных Штатов Америки и Великобритании был достигнут. Американцы и англичане перешли на левый берег Ниагары и направились завтракать в гостиницу «Гоат-Айленд», расположенную на холме между двумя водопадами. Не станем мешать им наслаждаться традиционными блюдами — вареными яйцами, ветчиной и холодным ростбифом, приправленным острыми пикулями, которые они запивали потоками чая, способными соперничать даже с прославленными водопадами. Впрочем, маловероятно, чтобы в нашем повествовании еще раз зашла речь об этих людях.

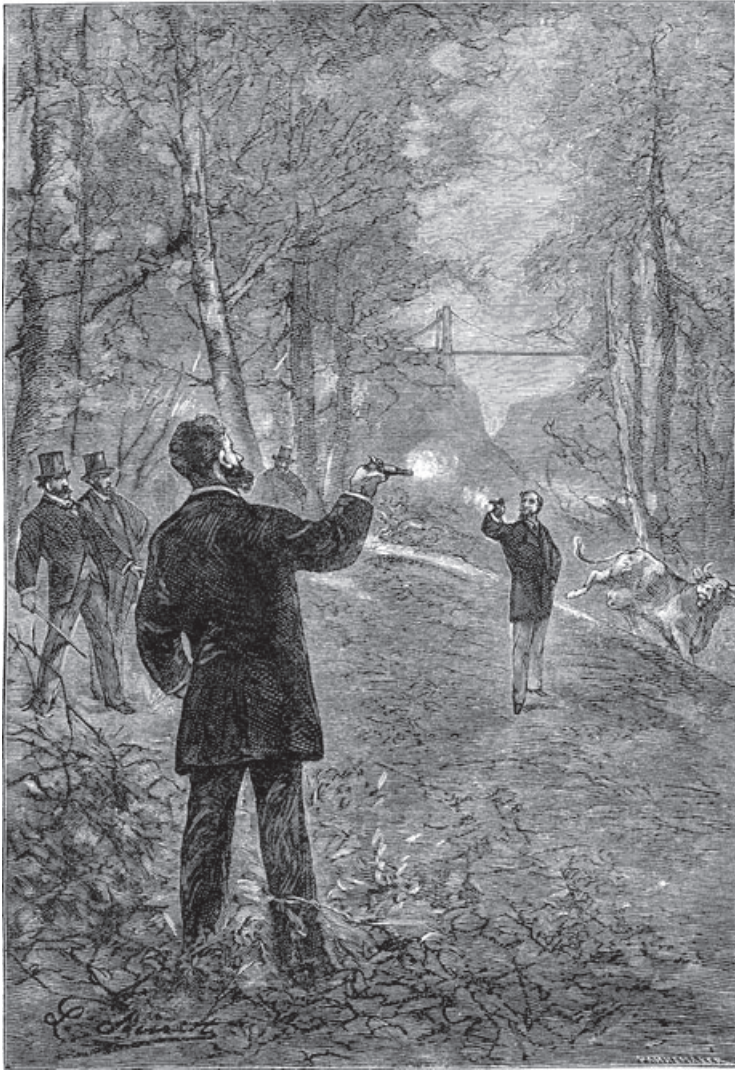
Кто же все-таки был прав: англичанин или американец? Ответить на этот вопрос нелегко. Бесспорно одно: поединок между ними свидетельствовал о том, до какой степени были возбуждены умы не только в Новом, но и в Старом Свете тем необъяснимым явлением, которое вот уже целый месяц приводило всех в замешательство.

«...Os sublime dedit coelumque tueri»¹, — сказал Овидий к вящей славе рода человеческого.

И в самом деле, со времени своего появления на земле люди никогда еще так упорно не смотрели на небо.

Как раз накануне ночью неведомая небесная труба наполнила медными звуками воздушное пространство над той частью Канады, что расположена между озерами Эри и Онтарио. Одним в этих звуках почудилась мелодия «Янки Дудл», другим — «Рул Британия». Вот почему и возникла описанная нами ссора между англосаксами, мирно закончившаяся завтраком в Гоат-Айленде. Впрочем, это, возможно, и не был национальный гимн. Несомненно лишь одно — загадочные звуки доносились на землю с небес.

¹ ...Высоко поднятая голова, чтобы видеть небо (*лат.*).

Ни один из противников не пострадал.

Уж не затрубил ли какой-либо ангел или архангел в небесную трубу?.. Или какие-нибудь веселые воздухоплаватели играли на этом звучном инструменте, которому всеобщая молва создала столь громкую известность?

Нет! В небе не было ни воздушного шара, ни воздухоплателей. В верхних слоях атмосферы возникло необычайное явление, происхождение и природу которого никто не мог определить. Нынче его отмечали над Америкой, через двое суток — над Европой, спустя неделю — в Азии, над Небесной империей. Решительно, если труба, возвещавшая о нем, не была трубою Страшного суда, то что ж это было такое?

Вот почему все государства земного шара — и монархии и республики — охватила сильнейшая тревога, которую необходимо было рассеять. Представьте себе, что в вашем доме возник какой-то странный и необъяснимый шум. Ведь вы безусловно попытаетесь как можно быстрее отыскать его причину и, если ваши старания ни к чему не приведут, покинете этот дом, чтобы переехать в другой. Не правда ли? Но на сей раз домом был весь земной шар! Покинуть его и переселиться на Луну, Марс, Венеру, Юпитер или какую-нибудь иную планету Солнечной системы было совершенно невозможно. Поэтому следовало определить, что же все-таки происходило, — причем отнюдь не в беспредельной пустоте, а в пределах земной атмосферы, которая простирается всего лишь на два лье вокруг нашей планеты. В самом деле, без воздуха не может быть и шума, однако шум был — все та же пресловутая труба, — следовательно, загадочное явление совершалось в воздушной среде, плотность которой постепенно уменьшается по мере удаления от Земли.

Нечего и говорить, что тысячи газетных листков занялись этим делом, судили о нем вкривь и вкось, проясняли или затемняли его, сообщали истинные или ложные факты, пугали или успокаивали своих читателей — и все для увеличения тиража, — словом, всячески будоражили публику, и так уже потерявшую покой. Политика сразу же была забыта, кстати сказать, от этого ничего не изменилось. Однако что же все-таки произошло?

Запросили мнение обсерваторий всего мира. Если они не смогут ответить, тогда зачем вообще нужны обсерватории? Если астрономы, которые запросто обращаются со звездами, отстоящими от них за сто тысяч миллиардов лье, не способны понять природу космического явления, происходящего всего лишь в нескольких километрах, тогда зачем вообще нужны астрономы?

Сколько телескопов, подзорных труб, зрительных стекол, биноклей, очков, лорнетов устремлялось к небу в эти чудесные летние ночи, сколько глаз припадало к окулярам оптических приборов всех видов и размеров, — сосчитать невозможно! Но уж никак не меньше нескольких сотен тысяч, другими словами — в десять, в двадцать раз больше, чем можно увидеть звезд на небосводе невооруженным глазом. Нет! Никогда еще солнечное затмение, наблюдаемое одновременно из всех пунктов земного шара, не привлекало такого количества зрителей.

Обсерватории ответили, но недостаточно ясно. Каждая придерживалась собственного, отличного от других, мнения. И это привело к тому, что в конце апреля и начале мая в мире ученых вспыхнула настоящая междоусобная война.

Парижская обсерватория проявила особую сдержанность. Ни одно из ее отделений ничего толком не сказало. В отделении математической астрономии не снизились до наблюдений; в отделении меридиональных

измерений ничего не обнаружили; в отделении физических наблюдений ничего не заметили; в отделении геодезии ничего не открыли; в отделении метеорологии ничего не увидели; наконец, в отделении подсчетов попросту ничего не разглядели. Признание по крайней мере было чистосердечным. То же чистосердечие проявили обсерватория Монсури и магнитная станция парка Сен-Мор. То же почтение к истине в Бюро долгот. Словом, французы откровенно гордились своей откровенностью.

Провинция высказалась несколько определеннее. Там признавали, что в ночь с 6 на 7 мая в небе появился свет электрического происхождения, который был виден не больше двадцати секунд. В Пик-дю-Миди свет этот был замечен между девятью и десятью часами вечера. В метеорологической обсерватории Пюи-де-Дом его наблюдали между часом и двумя ночи; в Мон-Ванту, в Провансе, — между двумя и тремя часами утра; в Ницце — между тремя и четырьмя часами; наконец, в Альпах, между Аннеси, Бурже и Женевским озером, — в ту минуту, когда заря позолотила небосклон.

Очевидно, было бы неправильно отвергать все эти наблюдения целиком. Не оставалось ни малейшего сомнения, что свет последовательно видели в разных местах на протяжении нескольких часов. Таким образом, либо его излучали различные источники, двигавшиеся в земной атмосфере, либо он был обязан своим происхождением одному источнику, который перемещался со скоростью около двухсот километров в час.

Однако наблюдалось ли хоть раз что-либо необычное в атмосфере при дневном освещении?

Никогда!

Не раздавались ли по крайней мере в воздушных сферах звуки трубы?

Нет! Призыва трубы ни разу не слышали между восходом и закатом солнца.

В Соединенном Королевстве все пребывали в полной растерянности. Обсерватории никак не могли договориться. Гринвич не соглашался с Оксфордом, хотя обе обсерватории настаивали на том, что «ничего не произошло».

— Оптический обман! — утверждал Гринвич.

— Акустический обман! — возражал Оксфорд.

Вокруг этого и велись споры. Но в одном они сходились: все это обман!

Дискуссия среди берлинских и венских астрономов грозила привести к международным осложнениям. Но Россия устами директора Пулковской обсерватории разъяснила, что обе стороны правы: все определяла точка зрения, от которой они отправлялись, пытаясь выяснить природу загадочного явления, невозможного в теории, но оказавшегося возможным в действительности.

В Швейцарии — в обсерватории Саутис, в кантоне Аппенцель, в Риги, в Гэбрис, на наблюдательных пунктах Сен-Готарда, Сен-Бернара, Юльера, Симплон, Цюриха, Зомблика в Тирольских Альпах — везде сохраняли крайнюю сдержанность, столкнувшись с фактом, которого дотоле еще никто и никогда не наблюдал. И это было вполне разумно.

Зато в Италии — на метеорологических станциях Везувия, в наблюдательном пункте Этны, помещавшемся в старинной Каза-Инглезе, на Монте-Каво — астрономы, не задумываясь, подтверждали материальность пресловутого явления, ибо им довелось однажды наблюдать его: днем — в виде завитка тумана, ночью — в виде падающей звезды. Но об истинной природе загадочного тела они не имели ни малейшего представления.

По правде говоря, тайна эта начинала мало-помалу надоедать людям науки, однако она продолжала возбуждать и даже пугать людей простых и неученых, которые в силу одного из самых мудрых законов природы составляли, составляют и будут составлять громадное большинство человечества. Астрономы и метеорологи уже готовы были забросить эту проблему, как вдруг в ночь с 26-го на 27 апреля, в обсерватории Кантокейно в норвежской провинции Финмаркен, и в ночь с 28-го на 29-е, в обсерватории Ис-фьорд на Шпицбергене, норвежцы, с одной стороны, и шведы, с другой, заметили сходное явление: при свете северного сияния в небе показалось неведомое воздушное чудище, напоминавшее огромную птицу. Строение его определить было невозможно, однако и те и другие утверждали, что оно излучало в пространство какие-то частицы, которые взрывались, точно снаряды.

В Европе никто не усомнился в правильности этого наблюдения обсерваторий в Финмаркене и на Шпицбергене. Но самым поразительным во всем этом было то, что шведы и норвежцы могли, оказывается, хоть в чем-нибудь согласиться друг с другом!

Зато их мнимое открытие было встречено общим смехом во всех обсерваториях Южной Америки — в Бразилии, в Перу и на Ла-Плате, так же как и в обсерваториях Австралии — в Сиднее, Аделаиде и Мельбурне. А как известно, смех южан — самый заразительный.

Короче говоря, лишь один руководитель метеорологической станции недвусмысленно высказал свое мнение, не страшась иронических нападок, которые оно могло вызвать. То был китаец, директор обсерватории Цзи-Ка-Вей. Обсерватория эта возвышалась в десяти лье от моря посреди обширной равнины, и перед нею открывался безграничный горизонт, словно омытый прозрачным воздухом.

— Весьма возможно, — заявил он, — что небесное тело, о котором идет речь, всего-навсего движущийся аппарат, летательная машина.

Какая неуместная шутка!

Если уж в Старом Свете велись столь ожесточенные споры, легко себе представить, как разгорелись страсти в Новом Свете, особенно в той его обширной части, которую занимают Соединенные Штаты Америки.

Известно, что, выбирая свой путь, янки долго не раздумывает: как правило, он сразу находит ту единственную дорогу, которая ведет прямо к цели. Вот почему американские астрономы без обиняков высказали все, что они думали друг о друге. И если под конец они не начали швыряться подозрными трубами, то лишь потому, что разбитые оптические приборы пришлось бы чинить именно тогда, когда они были особенно необходимы.

В этом, столь спорном вопросе Вашингтонская обсерватория в округе Колумбия и Кембриджская обсерватория в штате Массачусетс выступили против обсерваторий Дармут-Колледжа в Коннектикуте и Анн-Арбор в Мичигане. Спор у них шел не о природе небесного тела, а о том, когда именно оно было обнаружено: все обсерватории утверждали, будто заметили его в одну и ту же ночь, один и тот же час, одну и ту же минуту и одну и ту же секунду, хотя траектория этого загадочного тела пролегла на незначительной высоте над горизонтом. Но от Коннектикута до Мичигана и от Массачусетса до Колумбии расстояние так велико, что наблюдать какое-нибудь явление во всех этих пунктах одновременно попросту невозможно.

Обсерватория Дадли в Олбани, штат Нью-Йорк, и обсерватория военной академии Вест-Пойнт указали на неправоту своих коллег, приведя данные относительно восхождения по прямой и склонения названного тела.

Но позднее стало известно, что обсерватории эти ошиблись, приняв за таинственное тело обыкновенный болид, пронесшийся через средние слои атмосферы. Болид этот не мог, понятно, быть телом, о котором шла речь. Да и как мог бы вышеназванный болид играть на трубе?

Что касается знаменитой трубы, то скептики тщетно пытались причислить ее оглушительные звуки к разряду акустических обманов. Уши свидетелей в этом случае ошибались не больше, чем их глаза: одни на самом деле слышали, другие на самом деле видели. Ночь с 12-го на 13 мая была особенно темной; и вот этой ночью наблюдателям Йельского колледжа, при высшей школе в Шеффилде, удалось записать несколько тактов музыкальной фразы в ре мажоре, которая совершенно точно воспроизводила размер, мелодию и ритм припева «Походной песни».

— Отлично! — обрадовались шутники. — Значит, в заоблачных высотах играет французский оркестр!

Но ведь шутка — не ответ. Именно на это и указала основанная компанией «Атлантик Айрон Уоркс» Бостонская обсерватория, мнения которой по вопросам астрономии и метеорологии мало-помалу приобретали в ученом мире силу закона.

Тогда в спор вступила обсерватория в Цинциннати, построенная в 1870 году на горе Лукаут на средства щедрого господина Килгора; она снискала себе широкую известность микрометрическими измерениями двойных звезд. Директор этой обсерватории с похвальной откровенностью заявил, что несомненно существует какое-то материальное тело, некий движущийся предмет, который показывается через довольно короткие промежутки времени в различных точках атмосферы; но о природе, размерах, скорости и траектории этого загадочного тела ничего определенного сказать нельзя.

Примерно в то же время весьма распространенная газета «Нью-Йорк геральд» получила от одного из своих подписчиков следующее анонимное послание:

«В наши дни еще не забыто соперничество, которое несколько лет назад столкнуло между собой двух наследников бегумы Раджинахра: француз — доктора Саразена, из Франсевилля, и немца — инженера герра Шульце, из Штальштадта, городов, расположенных в южной части Орегона в Соединенных Штатах Америки.

Надо полагать, не забыто также, что герр Шульце, задумав уничтожить Франсевилль, изготовил гигантский снаряд, который должен был, обрушившись на французский город, одним ударом смести его с лица земли.

И уж никто, наверно, не забыл, что этот снаряд, начальная скорость которого при вылете из жерла чудовищной пушки была плохо рассчитана, умчался в пространство с быстротой, в шестнадцать раз превышающей обычную скорость снарядов, то есть делая по сто пятьдесят лье в час. Поэтому он так и не упал на землю, а, превратившись в своего рода болид, до сих пор вращается и будет вечно вращаться вокруг земного шара.

Разве нельзя допустить, что этот снаряд и есть то самое загадочное тело, реальность которого отрицать невозможно?»

До чего он остроумен этот подписчик «Нью-Йорк геральда»! Но как быть с трубою?.. Ведь в снаряде герра Шульце никакой трубы и в помине не было!

Выходит, что все объяснения ровным счетом ничего не объясняли, а все наблюдатели наблюдали из рук вон плохо.

Правда, оставалась еще гипотеза, выдвинутая директором обсерватории Цзи-Ка-Вей. Но ведь то было мнение какого-то китайца!..

Не думайте, однако, что обитателям Старого и Нового Света в конце концов надоело ломать голову над этой загадкой. Ничего подобного! Люди спорили до хрипоты, но ни к чему не приходили. И все же наступила короткая передышка. Прошло несколько дней, а занимавший всех предмет — болид или иное тело — ни разу не появлялся и в воздухе не раздавалось пения трубы. Не упало ли таинственное тело в таком месте земно-

го шара, где было бы трудно отыскать его след, — например, в море? Не покоилось ли оно на дне Атлантического, Тихого или Индийского океана? Как разрешить все эти сомнения?

Но именно тогда — между вторым и девятым июня — произошло несколько новых событий, объяснить которые одним только космическим явлением было уже невозможно.

На протяжении этой недели обитатели Гамбурга — на вершине башни Святого Михаила, а турки — на самом высоком минарете Ая-Софии, жители Руана — на конце металлического шпиля кафедрального собора, а жители Страсбурга — на верхушке Мюветерского собора, американцы — на голове статуи Свободы, в устье Гудзона, и на верхушке памятника Вашингтону в Бостоне, китайцы — на вершине храма Пятисот Духов в Кантоне, индусы — на шестнадцатом этаже пирамидальной башни храма Танджура, обитатели града святого Петра — на куполе одноименного собора в Риме, а англичане — на куполе собора Святого Павла в Лондоне, египтяне — на вершине большой пирамиды Гиза, парижане — на громотводе трехсотметровой железной башни, сооруженной для Международной выставки 1889 года, — все они видели флаг, развевавшийся на каждом из названных сооружений, на которые так трудно взобраться.

Флаг этот представлял собою черное полотнище, усеянное звездами с изображением золотого солнца посередине.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой члены Уэлдонского ученого общества спорят,
но не приходят к согласию*

- И** первый, кто посмеет утверждать обратное...
— Вот как!.. Конечно, посмеют, если только сочтут нужным!
- И вопреки вашим угрозам!..
 - Следите за своими выражениями, Бэт Файн!
 - И вы тоже, дядюшка Прудент!
 - Я настаиваю, что винт должен помешаться сзади!
 - И мы также!.. Мы также!.. — подхватили пятьдесят голосов, слившихся в общий гул.
 - Нет!.. Он должен быть спереди! — вскричал Фил Эванс.
 - Спереди! — столь же яростно подхватили пятьдесят других голосов.
 - Никогда мы не договоримся!
 - Никогда!.. Никогда!
 - Для чего же тогда спорить?
 - Но это не спор!.. Это — дискуссия!

Однако кто поверил бы, что это дискуссия, слыша резкие возражения, грубые выпады и вопли, наполнявшие зал заседаний вот уже добрых четверть часа?

Надо сказать, что зал этот был самым просторным в Уэлдонском ученом обществе, как именовали знаменитый клуб, который помещался на Уолнет-стрит, в Филадельфии, столице штата Пенсильвания, входящего в состав Американской Федерации.

Накануне город избирал человека на должность фонарщика, зажигающего на улицах газовые фонари; по этому поводу происходили многочисленные манифестации и бурные митинги, враждующие партии даже вступали в рукопашную. Это вызвало всеобщее возбуждение, которое еще не улеглось и, возможно, было причиной сильнейшего волнения, владевшего в тот вечер членами Уэлдонского ученого общества. А ведь в клубе шло всего-навсего очередное заседание сторонников воздушных шаров, на котором обсуждался все еще животрепещущий, даже в описываемое время, вопрос о возможности управления аэростатами.

Все это происходило в одном из городов Соединенных Штатов Америки, быстрое развитие которого было еще более разительным, нежели развитие Нью-Йорка, Чикаго, Цинциннати и Сан-Франциско; в городе, который не был при этом ни портом, ни центром угольной или нефтяной промышленности, ни вообще промышленным центром, ни даже конечным пунктом сети железных дорог; городе, более крупном, чем Берлин, Манчестер, Эдинбург, Ливерпуль, Вена, Петербург, Дублин, и в парке которого свободно разместились бы все семь парков столицы Англии; городе, насчитывающем в наши дни около миллиона двухсот тысяч жителей и слышущем четвертым в мире — после Лондона, Парижа и Нью-Йорка.

Филадельфия, с ее огромными домами и великолепными общественными зданиями, может быть смело названа городом сплошного мрамора. Самый значительный из колледжей Нового Света — колледж Джирарда — находится в Филадельфии. И самый большой в мире железный мост — мост через реку Скулкилл — находится в Филадельфии. И самый замечательный франкмасонский храм — Храм Масонов — находится в Филадельфии. И, наконец, самый известный клуб поклонников воздухоплавания также находится в Филадельфии. Если бы читатель захотел посетить его в тот вечер, 12 июня, он, пожалуй, получил бы немалое удовольствие.

В этом огромном зале — под верховной властью председателя, которому деятельно помогали секретарь и казначей, — волновались, бесновались, жестикулировали, кричали, спорили, ссорились с цилиндрами на голове не менее ста горячих приверженцев воздушных шаров. Среди них не было ни одного инженера по профессии; здесь собрались просто любители всего, что относится к воздухоплаванию, но любители одержимые, а главное — злейшие враги тех, кто противопоставлял воздушным шарам «аппараты тяжелее воздуха» — летательные машины, воздушные

корабли и прочее. Возможно, этим почтенным людям и предстояло когда-нибудь открыть способ управления аэростатами, но в тот вечер их председателю нелегко было управлять ими самими!

Этот знаменитый председатель был широко известен всей Филадельфии под именем дядюшки Прудента. Прудент¹ была его фамилия, а что до прозвища «дядюшка», то оно никого не удивляло в Америке, где можно называться дядюшкой, не имея ни племянников, ни племянниц. В этой стране говорят «дядюшка» подобно тому, как в других странах говорят «папаша» людям, у которых детей и в помине не было.

Дядюшка Прудент слыл важной персоной и, вопреки своей фамилии, пользовался репутацией человека отважного. Он был весьма богат, что, как известно, никому не вредит, даже в Соединенных Штатах. И как мог он не разбогатеть, если владел большей частью акций компании Ниагарских водопадов. Незадолго до того в Буффало было основано промышленное общество по эксплуатации энергии водопадов. Великолепное предприятие! Семь с половиной тысяч кубических метров воды, которые Ниагарский водопад обрушивает каждую секунду, создают мощь в семь миллионов лошадиных сил. Эта гигантская энергия, питавшая все заводы, расположенные на пятьсот километров вокруг, ежегодно приносила полтора миллиарда франков дохода, солидная доля которого попадала в кассы акционерного общества и, в частности, в карманы дядюшки Прудента. Кстати, он был холост и жил скромно, довольствуясь всего лишь одним слугой — лакеем Фриколлином, который, надо сказать, был недостоин чести находиться в услужении у столь отважного человека. Но в жизни нередко встречаются подобные несообразности.

В том, что дядюшка Прудент, будучи богат, имел друзей, нет, разумеется, ничего удивительного; но он состоял председателем клуба, а потому у него были и враги — и между ними все те, кто завидовал его положению. В числе наиболее ожесточенных противников дядюшки Прудента нельзя не упомянуть секретаря Уэлдонского ученого общества.

Секретаря звали Фил Эванс; он также был человеком весьма богатым, ибо стоял во главе «Уолтон Уотч компани» — большого завода по изготовлению часов, ежедневно производившего пятьсот часовых механизмов, не уступавших по своим качествам лучшим швейцарским образцам. Так что Фила Эванса можно было бы счесть одним из самых счастливых людей в Соединенных Штатах, да и во всем мире, если бы его не раздражало положение, какое занял в клубе дядюшка Прудент. Обоим им было по сорок пять лет, оба отличались завидным здоровьем, оба славились своим бесстрашием, оба не допускали и мысли о том, чтобы променять надежные преимущества холостяцкой жизни на сомнительные преимущества жизни семейной. Два эти человека, казалось, были рождены для

¹ Прудент — благоразумный, осторожный (англ.).

того, чтобы понимать друг друга с полуслова, а между тем они никак не находили общего языка. Надо добавить, что оба обладали необычайной силой воли, но при этом дядюшка Прудент отличался крайней горячностью, а Фил Эванс — редким хладнокровием.

Чем же объясняется, что Фил Эванс не был избран председателем клуба? Голоса между ним и дядюшкой Прудентом разделились точно поровну. Двадцать раз повторяли голосование, и двадцать раз ни один из кандидатов не собрал нужного большинства. Это нелепое положение грозило затянуться до смерти одного из претендентов.

И тогда один из членов Уэлдонского ученого общества предложил выход из создавшегося затруднения. Это был казначей клуба Джем Сип — убежденный вегетарианец, страстный любитель овощей и ярый враг мясной пищи и спиртных напитков, можно сказать, полубрамин, полумусульманин, достойный соперник Ньюэна, Питмэна, Уорда, Дэви, которые прославили секту этих безобидных сумасбродов.

В этих трудных обстоятельствах Джема Сипа поддержал другой член клуба, Уильям Т. Форбс, управляющий большим заводом, где производили патоку, обрабатывая тряпье серной кислотой, что позволяло получать сахар из старого белья. Он был человек весьма солидный, этот Уильям Т. Форбс, отец двух очаровательных старых дев, мисс Доротеи, по прозвищу Долл, и мисс Марты, по прозвищу Мэт, которые задавали тон в лучшем обществе Филадельфии.

Выслушав предложение Джема Сипа, поддержанное Уильямом Т. Форбсом и некоторыми другими, собрание решило избрать председателя клуба, прибегнув к методу «средней линии».

По правде говоря, этот способ стоило бы применять во всех случаях, когда необходимо избрать достойнейшего кандидата, и немало вполне разумных американцев уже подумывали о том, чтобы прибегнуть к нему во время выборов президента Соединенных Штатов.

На двух досках ослепительной белизны начертили две черные линии абсолютно одинаковой длины, выверенные с такой точностью, как будто речь шла об измерении основания первого треугольника для целей тригонометрической съемки. Затем обе доски установили посреди зала заседаний, и каждый из соперников, вооружившись тонкой иглой, направился к отведенной ему доске. Того из претендентов, кому удалось бы вонзить свою иглу ближе к середине черной линии, и должны были провозгласить председателем Уэлдонского ученого общества.

Нечего и говорить, что втыкать иглу следовало с размаху, не примериваясь и не прилаживаясь заранее, рассчитывая лишь на верность глаза. Все дело заключалось в том, чтобы, как говорится в народе, иметь «наметанный глаз».

Дядюшка Прудент и Фил Эванс вонзили свои иглы в одну и ту же секунду. Затем произвели измерение, чтобы определить, чья игла оказалась ближе к цели.

*Дядюшка Прудент и Фил Эванс вонзили свои иглы
в одну и ту же секунду.*

О чудо! Оба соперника обладали столь совершенным глазомером, что их иглы; казалось, впились в самую середину черты. А если это и не была абсолютная математическая середина линии, то измерение не обнаружило сколько-нибудь заметной неточности, и величина отклонения у обоих кандидатов представлялась одинаковой.

Это вызвало замешательство среди собравшихся.

По счастью, один из членов клуба, Трак Милнор, настоял на том, чтобы измерение произвели вторично. Он предложил применить для этого линейку, градуированную микрометрической машиной господина Перро, которая позволяет делить миллиметр на полторы тысячи частей. С по-

мощью этой линейки, на которую острием алмаза нанесены тысячекратные доли миллиметра, и сделали новое измерение; затем под микроскопом были прочтены окончательные результаты.

Дядюшка Прудент отклонился от середины линии меньше чем на четыре тысячных миллиметра, Фил Эванс — на шесть тысячных.

Поэтому Фил Эванс и стал всего только секретарем Уэлдонского учебного общества, в то время как дядюшка Прудент был провозглашен его председателем.

Расстояния в две тысячных доли миллиметра оказалось достаточно, чтобы Фил Эванс проникся к дядюшке Пруденту враждой, которая хоть и оставалась скрытой, но не была от этого менее свирепой.

К этому времени в деле создания управляемых воздушных шаров намечался некоторый прогресс, чему немало способствовали многочисленные опыты, предпринятые в последней четверти девятнадцатого столетия. Гондолы, снабженные гребными винтами и подвешенные к аэростатам удлиненной формы, которыми пользовались Анри Жиффар в 1852 году, Дюпюи де Лом в 1872 году, братья Тиссандье в 1883 году и капитаны Кребс и Ренар в 1884 году, привели к определенным результатам, и их следовало принять во внимание. Маневрируя с помощью винтов в среде более тяжелой, чем сам аэростат, искусно лавируя по ветру, воздухоплавателям удавалось порою возвращаться к месту, откуда начался полет, даже вопреки неблагоприятному направлению ветра, что позволяло именовать их воздушные шары управляемыми; однако им удавалось этого добиться лишь при исключительно благоприятных обстоятельствах. В просторных крытых помещениях испытания шли превосходно! В безветренной атмосфере — очень хорошо! При слабом ветре, от пяти до шести метров в секунду, — еще куда ни шло! Но в сущности никаких практических результатов достигнуто не было. При ветре, приводящем в движение мельницы, скорость которого равна восьми метрам в секунду, эти махины оставались почти неподвижными; при свежем бризе — десять метров в секунду — их уже относило назад; в бурю — при скорости ветра в двадцать пять — тридцать метров в секунду — их швыряло бы, как перышко; при ураганном ветре — сорок пять метров в секунду — им угрожала бы опасность разлететься на куски; наконец, под действием циклона, скорость которого превышает сто метров в секунду, — от них бы не осталось и следа!

Таким образом, хотя после нашумевших опытов капитанов Кребса и Ренара управляемые аэростаты, без сомнения, несколько увеличили свою скорость, ее все же едва хватало на то, чтобы противостоять обыкновенному бризу. Этим и объясняется, почему до сих пор не удалось использовать аэростаты для воздушного сообщения.

Между тем в деле совершенствования двигателей были достигнуты значительно более быстрые успехи, чем в разрешении проблемы создания управляемых воздушных шаров, то есть шаров, обладающих собственной, независимой от силы ветра, скоростью. Паровые машины, введенные Анри Жиффаром, и мускульная сила людей, использованная Дюпюи де Ломом, постепенно уступили место электрическим двигателям. Примененные братьями Тиссандье батареи, работавшие на двуххромистокислом калии, сообщали аэростату скорость, равную четырем метрам в секунду, а динамоэлектрические машины капитанов Кребса и Ренара мощностью в двенадцать лошадиных сил довели ее до шести с половиной метров в секунду.

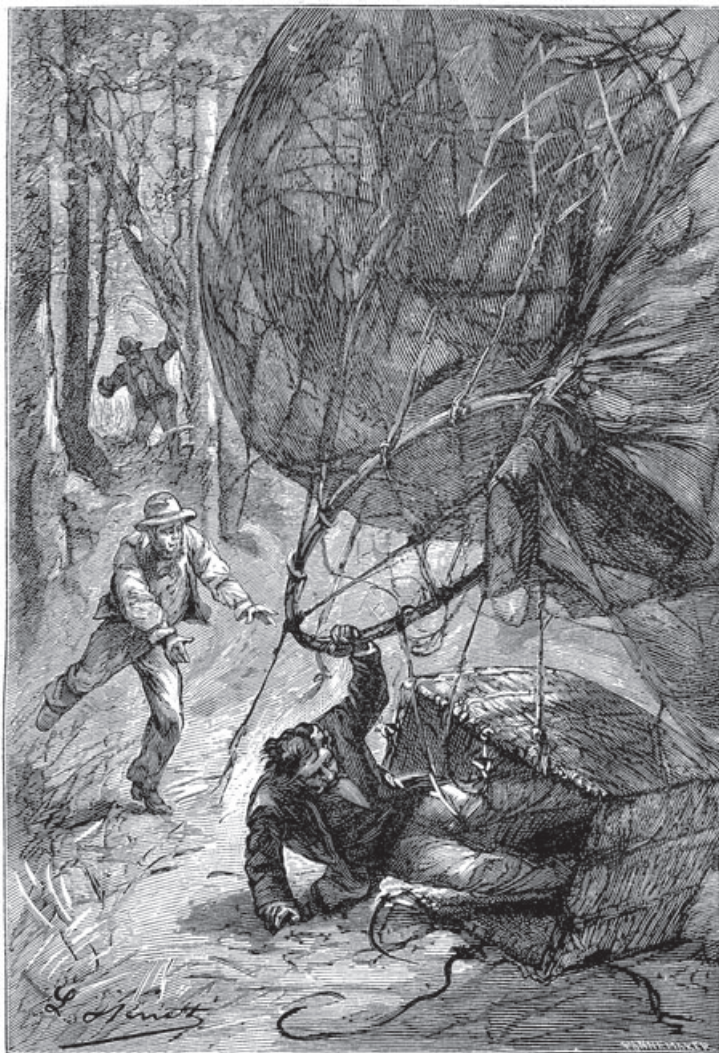
В поисках наиболее совершенного двигателя инженеры и электрики стремились по возможности приблизиться к заветному идеалу, который можно было бы назвать — «лошадиная сила в футляре карманных часов». И наступил день, когда мощность батареи, устройство которой капитаны Кребс и Ренар хранили в тайне, была превзойдена, и пришедшие им на смену воздухоплаватели получили в свое распоряжение двигатели, вес которых неуклонно уменьшался при одновременном увеличении мощности.

В этом было много ободряющего для людей, страстно веривших в славное будущее воздушных шаров. А между тем сколько здравомыслящих умов отвергали самую возможность управлять аэростатами! И действительно, хотя аэростат и держится в воздухе, который служит ему достаточно надежной опорой, зато он полностью зависит от любого каприза атмосферы. Как же может в этих условиях воздушный шар, огромная масса которого представляет такую удобную мишень для воздушных течений, бороться даже с умеренным ветром, каким бы мощным двигателем он ни обладал?

В этом и была главная трудность проблемы; но ее надеялись разрешить, применяя аэростаты огромных размеров.

И вот в ходе борьбы изобретателей за создание мощного и легкого двигателя оказалось, что американцы больше других приблизились к заветной цели. У некоего, до тех пор никому не известного химика из Бостона был куплен патент на изобретенную им динамо-электрическую машину, основанную на применении батареи новой системы, устройство которой держалось пока в секрете. Тщательно произведенные расчеты и вычерченные с предельной точностью диаграммы доказывали, что такой двигатель, приводящий в действие винт надлежащих размеров, может сообщить воздушному шару скорость от восемнадцати до двадцати метров в секунду.

По правде говоря, это было бы замечательно!

Третий полет закончился ужасным падением.

— И вовсе недорого, — прибавил дядюшка Прудент, вручая изобретателю в обмен на должным образом составленную расписку последнюю пачку денег из тех ста тысяч долларов, которыми было оплачено изобретение.

Уэйдонское ученое общество немедленно приступило к делу. Когда речь идет об опыте, который может иметь какое-нибудь практическое применение, американцы охотно вкладывают деньги. Средства стекались так быстро, что не пришлось даже учреждать акционерное общество. Триста тысяч долларов (что соответствует полутора миллионам франков) по первому зову наполнили кассы клуба. Работы велись под

наблюдением наиболее прославленного воздухоплателя Соединенных Штатов Гарри У. Тиндера, сотни раз поднимавшегося в воздух и обесмертившего свое имя тремя необыкновенными полетами. В первом полете он достиг высоты двенадцати тысяч метров — то есть поднялся выше, чем Гей-Люссак, Коксвелл, Сивель, Кроче-Спинелли, Тиссандье и Глейшер; во время второго он пролетел над всей Америкой от Нью-Йорка до Сан-Франциско, превысив на несколько сот лет рекорды, установленные Надаром, Годаром и многими другими воздухоплателями, не говоря уже о рекорде Джона Уайза, который преодолел расстояние в тысячу сто пятьдесят миль — от Сан-Луи до графства Джефферсон; что же касается третьего полета Гарри У. Тиндера, то он закончился ужасным падением с высоты тысячи пятисот футов, причем воздухоплатель отделался простым вывихом правой кисти, в то время как гораздо менее удачливый Пилатр де Розье, упав с высоты всего лишь семисот футов, разбился насмерть.

К тому времени, когда начинается наше повествование, уже можно было утверждать, что дела Уэлдонского ученого общества идут на лад. На верфи Тэрнера, в Филадельфии, заканчивался огромный аэростат, прочность которого должны были вскоре испытать, нагнетая в него воздух под сильным давлением. Он больше всех существовавших дотолее воздушных шаров заслуживал наименование аэростата-исполина.

Действительно, каков был объем «Гиганта» Надара? Шесть тысяч кубических метров. А сколько газа вмещал воздушный шар Джона Уайза? Двадцать тысяч кубических метров. Какой объем имел аэростат Жиффара, демонстрировавшийся на Всемирной выставке 1878 года? Двадцать пять тысяч кубических метров, при диаметре в тридцать шесть метров. Сопоставьте же эти три аэростата с воздушной машиной Уэлдонского ученого общества, объем которой составлял сорок тысяч кубических метров, и вы согласитесь сами, что дядюшка Прудент и его коллеги имели некоторые основания надуться от гордости.

Этот воздушный шар не предназначался для изучения верхних слоев атмосферы и, видимо, поэтому не именовался «Эксцельсиором»¹; кстати сказать, не слишком ли злоупотребляют этим названием граждане Америки? Аэростат назывался просто «Go ahead», что означает — «Вперед!», и ему оставалось только оправдать свое название, безотказно подчиняясь воле своего командира.

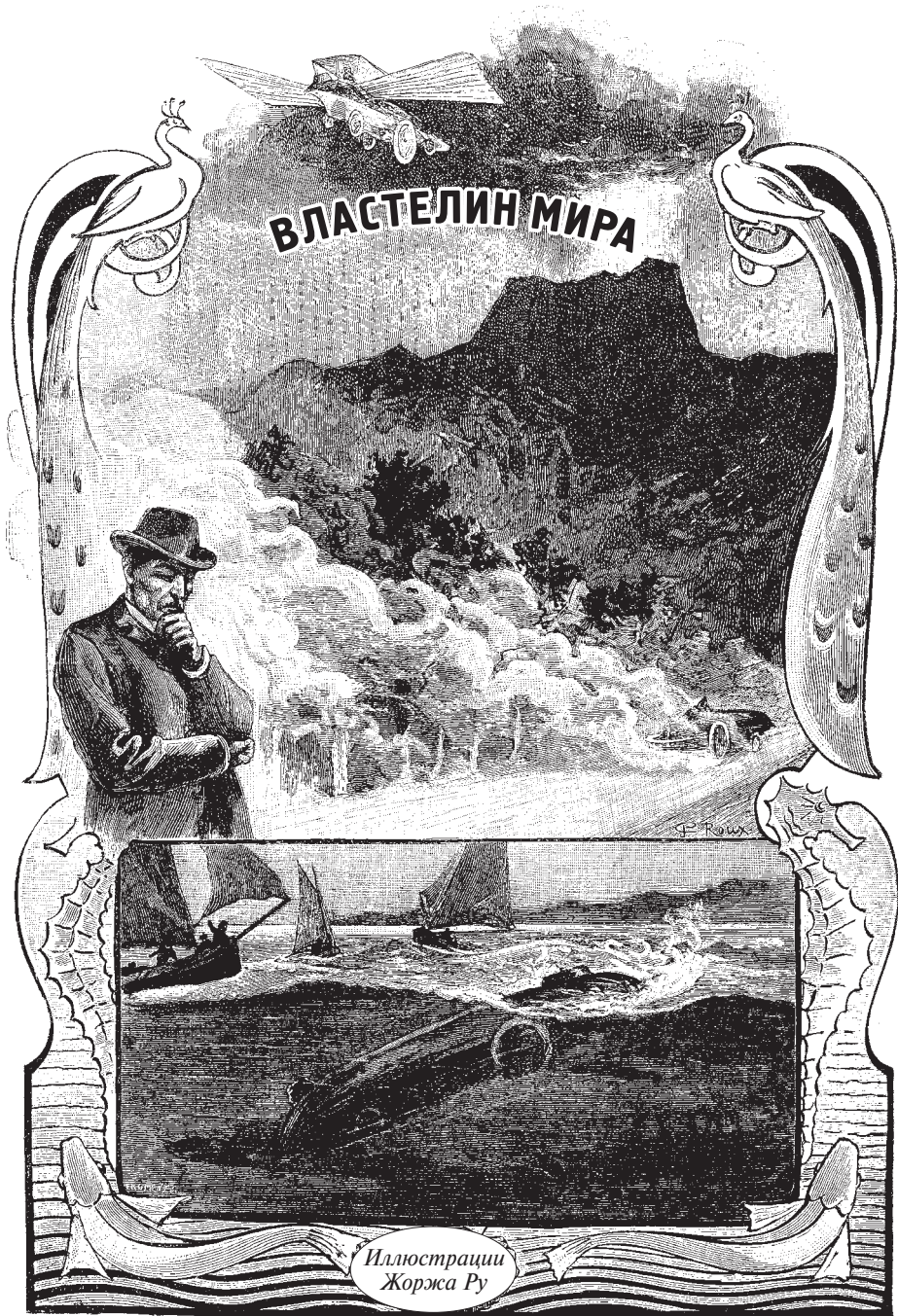
К тому времени динамо-электрическая машина была почти полностью закончена в точном соответствии с патентом, приобретенным Уэлдонским ученым обществом. И члены клуба надеялись, что не позднее чем через шесть недель их аэростат начнет свой полет.

¹ Еще выше (*лат.*).

Управляемые воздушные шары.

Однако, как уже заметил читатель, пока удалось преодолеть далеко не все трудности, связанные с сооружением аэростата. Сколько заседаний прошло в жарких дискуссиях об устройстве винта! При этом спорили не о его форме или размерах, а лишь о том, помещать ли винт в задней части гондолы, как у братьев Тиссандье, или в передней, как сделали капитаны Кребс и Ренар. Надо ли говорить, что в пылу обсуждения противники пускали в ход даже кулаки? Оба предложения завоевали равное число сторонников. Дядюшка Прудент, мнение которого становилось решающим, поскольку голоса разделились, несомненно был последователем профессора Буридана и до сих пор еще не сказал своего веского слова.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что происходит в округе

Горный хребет, который тянется вдоль американского побережья Атлантического океана через Северную Каролину, Виргинию, Мэриленд, Пенсильванию и штат Нью-Йорк, носит двойное название: Аллеганские и Аппалачские горы. Они образуют две различные цепи: на западе — Кэмберлендские, на востоке — Голубые горы.

Эта горная гряда, самая значительная в западной части Северной Каролины, простирается в длину приблизительно на девятьсот миль, или на

тысячу шестьсот километров, однако высота ее в среднем только шесть тысяч футов, и самая высокая ее точка — гора Вашингтон¹.

Для альпинистов этот горный хребет (один конец его спускается к рекам штата Алабама, а другой — к заливу Святого Лаврентия) не представляет большого интереса. Даже самые крутые его гребни не достигают верхних слоев атмосферы, и потому в нем нет той притягательной силы, которой обладают великолепные вершины Старого и Нового Света. Однако и в этой цепи была одна гора, Грейт-Эйри, на которую не могли взобраться туристы и которая поэтому слыла неприступной.

Впрочем, хотя до сих пор альпинисты пренебрегали вершиной Грейт-Эйри, вскоре ей суждено было привлечь всеобщее внимание, и даже вызвать тревогу, по совершенно особым причинам, — о них я и должен рассказать в начале этой истории.

Если я заговорил здесь о себе, то единственно потому, что, как увидит читатель, я имел непосредственное отношение к одному из самых замечательных событий двадцатого века. Порой я даже спрашиваю себя, не изменяет ли мне память, действительно ли это событие произошло, или я пережил его только в своем воображении. В качестве главного инспектора Вашингтонской полиции я в течение пятнадцати лет принимал участие в расследовании самых разнообразных дел, и мне часто давали секретные поручения, к которым я, как человек весьма любознательный, имел особое пристрастие. Неудивительно поэтому, что мое начальство вовлекло меня и в эту невероятную авантюру, где мне предстояло столкнуться с непостижимыми тайнами. Однако я с самого начала предупреждаю, что мне должны верить на слово, потому что, говоря об этих чудесных событиях, я не могу привести в свидетели никого, кроме самого себя. А если мне не захотят верить, ну что ж, — пусть не верят!

Вершина Грейт-Эйри расположена как раз среди той живописной цепи Голубых гор, которая тянется вдоль западной части Северной Каролины. Ее округлые контуры ясно видны при выходе из поселка Моргантон, выстроенного на берегу реки Сатавбы, и еще лучше — из местечка Плезент-Гарден, расположенного несколькими милями ближе.

Что же такое в сущности эта вершина Грейт-Эйри? Оправдывает ли она имя, данное ей жителями окрестностей этой части Голубых гор? Название последних вполне уместно: при известных атмосферных условиях их очертания окрашиваются лазурью. Но если под именем «Грейт-Эйри» подразумевается орлиное гнездо, то не связано ли это с тем, что там находят приют хищные птицы — орлы, коршуны и кондоры? Не парят ли они крикливыми стаями над этим пристанищем, доступным только им одним? Нет, право, их здесь не больше, чем на других вершинах Аллеганских гор. И даже, напротив, было замечено, что в иные дни, подлетев к

¹ 1918 метров. (Прим. автора.)

Грейт-Эйри, пернатые хищники как будто спешат удалиться от этого места и, описав над ним несколько кругов, разлетаются в разные стороны, оглашая воздух своими пронзительными криками.

Так почему же тогда эта гора получила имя Грейт-Эйри? Не лучше ли было бы назвать вершину просто «цирком», — ведь такого рода «амфитеатры» часто встречаются в гористых областях разных стран? Должно быть, там, среди высоких скал, есть обширная и глубокая котловина, возможно, даже небольшое озеро или водоем, образованный зимними дождями и снегом; такие озера есть и в Аппалачских горах, на разной высоте; они нередко попадают в горных цепях Старого и Нового Света. Пожалуй, под названием «цирк» и следовало бы отныне включить эту вершину в географические справочники.

И, наконец, последняя гипотеза: нет ли на вершине Грейт-Эйри кратера, принадлежащего погруженному в долгий сон вулкану, который когда-нибудь может проснуться от подземных толчков? Не угрожает ли он окрестным жителям такой же катастрофой, какая произошла во время яростных извержений Кракатау и Мон-Пеле? Если озеро действительно существует, то разве нельзя предположить, что воды его, просочившись в недра земли, превращаются от подземного огня в пар и угрожают равнинам Каролины таким же бедствием, какое имело место в 1902 году на Мартинике?

Это предположение недавно подтвердилось некоторыми признаками: над Грейт-Эйри появились пары, указывавшие на наличие каких-то геологических процессов. Однажды крестьяне, работавшие в поле, услышали даже какой-то необъяснимый глухой гул.

А ночью над горой появился огненный столб.

Пары вырывались из котловины, и, когда ветер отогнал их к востоку, на земле остались следы пепла и копоти. Среди царившего вокруг мрака тусклое пламя, отраженное низко нависшими облаками, бросало на окрестности какой-то зловещий свет.

Неудивительно, что эти странные явления сильно встревожили всю область. Необходимо было выяснить, что же, в сущности, происходит. Газеты Каролины беспрестанно упоминали о так называемой «тайне Грейт-Эйри». Они обсуждали вопрос: не опасно ли жить поблизости от горы?.. Статьи вызвали одновременно любопытство и тревогу, — любопытство у людей, которые, не подвергаясь никакой опасности, попросту интересовались явлениями природы, и тревогу у тех, кто рисковал стать жертвами этих явлений, если они действительно представляли угрозу для обитателей окрестных селений. В большинстве своем это были жители Плезент-Гардена, Моргантона, а также других поселков и довольно многочисленных ферм, разбросанных у подножия Аппалачских гор.

Жаль, конечно, что альпинисты до сих пор ни разу не сделали попытки взобраться на Грейт-Эйри. Никто еще не переступал через окружаю-

щую ее скалистую стену, а может быть, там и не существовало расщелины, открывавшей доступ в котловину.

Но разве не было поблизости другой остроконечной или конусообразной горы, по высоте превосходившей Грейт-Эйри, откуда открывался бы вид на всю ее вершину? Нет, на несколько километров вокруг не было гор выше Грейт-Эйри. Гора Веллингтон, одна из высочайших точек Аллеган, находилась слишком далеко.

Итак, тщательное исследование Грейт-Эйри стало теперь совершенно необходимым. В интересах населения округа нужно было узнать, нет ли там кратера и не угрожает ли западной части Каролины извержение вулкана. Следовательно, ничего не оставалось, как только попытаться проникнуть в котловину и определить причину наблюдаемых явлений.

Но прежде чем осуществилась эта попытка, как известно, сопряженная с большими трудностями, представился случай, казалось бы дававший возможность выяснить внутреннюю структуру Грейт-Эйри, не взбираясь на ее кручи.

В первых числах сентября этого года воздухоплаватель Уилкер должен был подняться на аэростате из Моргантона. Предполагали, что восточным ветром баллон будет отнесен к Грейт-Эйри, и надеялись, что он пролетит как раз над вершиной. В таком случае, оказавшись на несколько сот футов выше горы, Уилкер при помощи сильной подзорной трубы мог бы рассмотреть котловину до самой глубины и выяснить, не зияет ли между высокими скалами кратер вулкана. В сущности это и был главный вопрос. Если бы он разрешился, стало бы ясно, должно ли население окрестностей в более или менее близком будущем опасаться извержения вулкана.

Подъем аэростата совершился по намеченному плану. Дул ровный, не слишком сильный ветер; небо было ясное. Утренний туман только что растаял от ярких лучей солнца. Если котловина не будет затянута дымкой испарений, аэронавт сможет осмотреть ее на всем протяжении. В случае выделения подземных паров он несомненно их заметит, и тогда придется констатировать, что в этой части Голубых гор действительно существует вулкан и кратером его является Грейт-Эйри.

Воздушный шар поднялся сначала на высоту в тысячу пятьсот футов и в течение четверти часа оставался неподвижным, так как ветер дул только у поверхности земли и не ощущался на такой высоте. Но какое разочарование! Вскоре аэростат испытал на себе действие другого атмосферного течения, и его стало относить к востоку. Таким образом он удалялся от горной цепи, и никакой надежды на то, что он снова к ней приблизится, не оставалось. Прошло несколько минут, и жители местечка потеряли аэростат из виду, а впоследствии они узнали, что он опустился в окрестностях Роли в Северной Каролине.

Попытка не удалась, но было решено повторить ее в более благоприятных условиях. Дело в том, что с горы опять раздавался шум, из нее вырывались черные, как сажа, пары; в облаках отражался мерцающий свет. Понятно, что тревога не прекращалась. Местность по-прежнему оставалась под угрозой землетрясения или извержения вулкана.

Но вот с начала апреля опасения, до тех пор более или менее смутные, превратились в непреодолимый страх, и на то были серьезные причины. Местные газеты быстро откликнулись на всеобщую панику. Теперь весь округ между горной цепью и Моргантоном со дня на день ожидал катастрофы.

В ночь с 4 на 5 апреля жители Плезент-Гардена были разбужены взрывом, сопровождавшимся оглушительным грохотом. Среди жителей, решивших, что это обрушилась часть горной цепи, началась паника. Люди выскочили из домов и, боясь, что перед ними вот-вот развернется огромная пропасть, которая поглотит фермы и поселки на протяжении десяти — пятнадцати миль, готовы были броситься бежать.

Ночь была темная. Над долиной нависли густые облака. Даже и днем они скрыли бы из виду вершины Голубых гор. Среди этой тьмы разглядеть что-либо было невозможно. Со всех сторон раздавались крики. Группы растерянных жителей — мужчины, женщины, дети — метались в поисках дороги и в смятении толкали друг друга. То тут, то там слышались испуганные возгласы:

- Землетрясение!..
- Извержение вулкана!..
- Какого?
- Грейт-Эйри...

Весть о том, что на равнину полилась лава и посыпались камни и шлак, быстро донеслась до Моргантона.

Следовало обратить внимание хотя бы на то, что в случае извержения грохот еще усилился бы и над горой появилось бы пламя. Люди не могли бы не заметить в темноте светящихся потоков лавы. Однако никому это не пришло в голову, и перепуганные жители продолжали утверждать, что их дома содрогаются от подземных толчков. Впрочем, эти толчки могли вызвать обвал какой-нибудь скалы, обрушившейся со склонов горной цепи.

Все с ужасом ждали чего-то, охваченные смертельной тревогой, готовые в любую минуту бежать к Плезент-Гардену или Моргантону.

В течение следующего часа не произошло ничего нового. Только легкий западный ветер, который отчасти задерживала длинная гряда Аппалачских гор, долетал сквозь жесткую хвою вечнозеленых деревьев, густо растущих в болотистых низинах.

Паника не возобновлялась, и люди уже собирались разойтись по домам. По-видимому, бояться теперь было нечего, и все-таки все с нетерпением ждали наступления утра.

Должно быть, произошел обвал, какая-то громадная глыба низверглась с высоты Грейт-Эйри. При первых лучах зари легко будет убедиться в этом, пройдя несколько миль вдоль подножия горной цепи.

Но вот около трех часов утра — новая тревога: над гребнем скал показался пламя. Отраженное облаками, оно осветило заревом все небо. В то же время сверху слышалось какое-то потрескивание: видимо, на вершине что-то горело.

Уж не пожар ли начался там, наверху? Но от чего бы он мог произойти? Во всяком случае не от молнии. Ведь никто не слышал раскатов грома. Правда, горючего было сколько угодно, потому что весь Аллеганский хребет — и Кэмберлендские и Голубые горы — на этой высоте еще покрыт лесом. Там растет множество кипарисов, латаний и других вечнозеленых деревьев.

— Извержение!.. Извержение!.. — закричали со всех сторон.

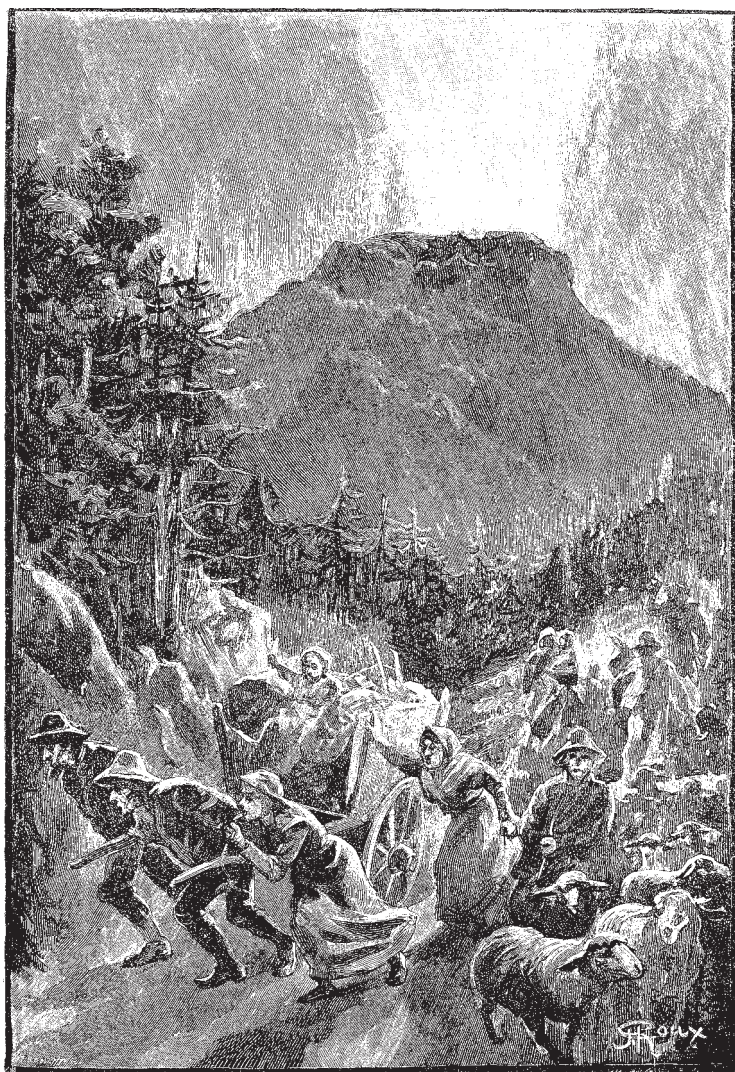
Так, значит, Грейт-Эйри — это кратер вулкана, таящегося в недрах гор. Ведь он потух столько лет, вернее столько веков назад, так неужели же он опять начал действовать? Что, если за пламенем последует дождь из раскаленных камней, ливень из пепла и шлака?.. Что, если сейчас польется лава, которая сожжет все на своем пути, уничтожит городки, селения, фермы, — словом, весь этот обширный край с его равнинами, с его полями, лесами, даже и за пределами Плезент-Гардена и Моргантона?..

На этот раз поднялась такая паника, что остановить ее было невозможно. Обезумевшие от страха женщины, схватив своих детей, бросились к дорогам, ведущим на восток, чтобы как можно быстрее покинуть места, где начиналось землетрясение. Мужчины вытаскивали из домов вещи, связывали в узлы все самое ценное, выпускали лошадей, коров, овец, в страхе бросавшихся в разные стороны. Какой хаос представляло собой это скопление людей и животных — в темную ночь, среди лесов, которые вот-вот охватит пламя вулкана, у болот, грозивших каждую минуту затопить все кругом!.. Казалось, даже сама земля готова была расступиться под ногами беглецов!.. Успеют ли они спастись, если бурный поток раскаленной лавы, разлившись по поверхности земли, преградит им дорогу?

Некоторые из самых состоятельных фермеров, наиболее рассудительные, все же остались в поселке и хотели остановить перепуганную толпу, — но все их усилия были напрасны.

Они отправились на разведку и, остановившись за миллю от горной цепи, увидели, что пламя побледнело и скоро должно погаснуть. В самом деле, не похоже было на то, что местности угрожает извержение вулкана. С горы не летели камни, потоки лавы не спускались по склонам, из недр земли не доносилось гула. Не было никаких признаков тех сейсмических возмущений, которые могут в одно мгновение опустошить целую страну.

Отсюда было сделано следующее справедливое заключение: сила огня, бушевавшего в котловине Грейт-Эйри, по-видимому, ослабевала. Облако

Обезумевшие от страха женщины, схватив своих детей, бросились к дорогам, ведущим на восток.

постепенно бледнело; скоро вся равнина должна была погрузиться в глубокий мрак до наступления утра.

Между тем толпа, отойдя на такое расстояние, где ей уже не угрожала опасность, остановилась. Затем она повернула назад, и к утру многие беглецы возвратились в свои селения и на фермы.

Около четырех часов утра утесы Грейт-Эйри едва окрашивались слабыми отсветами. Пожар догорал — несомненно из-за недостатка горючего, и хотя причина его так и осталась неизвестной, можно было надеяться, что он не возобновится.

Судя по всему, на Грейт-Эйри теперь не происходило никаких вулканических явлений. Не было оснований думать, что жители ее окрестностей находятся под угрозой извержения или землетрясения. А часов в пять утра с вершины, еще окутанной ночной мглой, донеслись странные звуки, нечто вроде сильного и ровного дыхания, сопровождаемого мощными ударами крыльев. И если бы было светло, люди из селений и ферм могли бы заметить, как по небу пронеслась какая-то гигантская хищная птица, какое-то крылатое чудовище, которое, поднявшись над Грейт-Эйри, полетело на восток!

ГЛАВА ВТОРАЯ

В Моргантоне

Двадцать седьмого апреля я выехал из Вашингтона и на следующий день прибыл в Роли, главный город штата Северная Каролина. За два дня до этого начальник департамента полиции вызвал меня к себе в кабинет. По-видимому, он с нетерпением ожидал моего прихода, и между нами произошла следующая беседа, решившая мой отъезд. Привожу этот разговор.

— Джон Строк, — начал он, — могу ли я по-прежнему рассчитывать на вас, как на агента, который не раз доказывал нам свою проникательность и преданность?

— Мистер Уорд, — почтительно ответил я, — не мне судить о том, так же ли я проникателен, как был прежде... Что же касается моей преданности, то могу заверить, что она осталась неизменной...

— Я в этом не сомневаюсь, — продолжал мистер Уорд, — и хочу только задать вам еще один, более определенный вопрос: по-прежнему ли вы любознательны, по-прежнему ли стремитесь разгадывать тайны?

— По-прежнему, мистер Уорд.

— И эта любознательность не уменьшилась от всего того, что вам пришлось видеть и пережить?

— Нисколько!

— Так вот, послушайте, Строк...

Мистеру Уорду было тогда лет пятьдесят; человек острого и зрелого ума, он с большим знанием дела исполнял свои ответственные обязанности.

Он неоднократно давал мне трудные поручения, иной раз носившие политический характер; я выполнял их успешно, и он всегда бывал мною доволен. Однако уже в течение нескольких месяцев мне не представлялось никакого случая снова проявить себя на службе, и эта праздность начинала меня тяготить.

Поэтому я с нетерпением ждал, что скажет мне мистер Уорд. Я не сомневался в том, что он вызвал меня неспроста и снова хочет дать мне какое-нибудь важное поручение.

Начальник заговорил со мной о событии, занимавшем в то время общественное мнение не только Северной Каролины и соседних штатов, но и всей Америки.

— Вы, конечно, знаете, — сказал он мне, — о том, что происходит в Аппалачских горах, в окрестностях поселка Моргантон?..

— Знаю, мистер Уорд, и ничуть не удивляюсь, что такие по меньшей мере необычные явления возбуждают любопытство у людей и не столь любопытных, как я...

— Не спору, Строк, там действительно происходит нечто необычное и даже странное. Но надо подумать о том, не представляют ли наблюдавшиеся на Грейт-Эйри явления опасности для населения этого округа, не следует ли считать их признаками, предшествующими извержению вулкана или землетрясению?..

— Боюсь, что это так, мистер Уорд.

— Поэтому, Строк, и важно было бы узнать, в чем там дело. Если мы и не «в силах предотвратить стихийное бедствие, то было бы все же лучше вовремя предупредить жителей об угрожающей им опасности...

— Это обязанность властей, мистер Строк, — ответил я. — Необходимо выяснить, что происходит там, на вершине, и...

— Вы правы, Строк, но, по-видимому, это связано с большими трудностями. Все в том округе твердят, что проникнуть за утесы Грейт-Эйри и осмотреть котловину — невозможно. Однако пробовал ли кто-нибудь сделать это при таких условиях, которые могли бы обеспечить успех?.. Не думаю, и, по моему мнению, серьезно организованная попытка привела бы к желаемым результатам.

— Тут нет ничего невозможного, мистер Уорд, — и вопрос здесь, конечно, только в затратах.

— Эти затраты необходимы, Строк, и не приходится считаться с ними, когда дело идет о том, чтобы успокоить все местное население или предупредить его во избежание катастрофы... Впрочем, действительно ли утесы Грейт-Эйри так уж неприступны, как это утверждают?.. Кто знает, не устроила ли там себе притон шайка злоумышленников и не пробираются ли они туда по тропинкам, которые ведомы им одним?..

— Как, мистер Уорд, вы подозреваете, что злоумышленники...

— Быть может, Строк, я ошибаюсь, и все, что происходит там, объясняется естественными причинами... Вот это-то мы и хотим выяснить, и притом как можно скорее.

— Позвольте задать вам вопрос, мистер Уорд?

— Говорите, Строк.

— Допустим, что котловина Грейт-Эйри будет исследована и мы узнаем причину этих явлений; допустим, что там имеется кратер и вскоре нужно ожидать извержения, — разве мы сможем его предотвратить?..

— Нет, Строк, но зато мы успеем предупредить население округа... Жители поселков и ферм не будут застигнуты врасплох и смогут подготовиться. Что, если какой-нибудь вулкан в Аллеганских горах угрожает Северной Каролине такой же катастрофой, какая постигла Маргинику во время извержения Мон-Пеле? Надо по крайней мере дать населению возможность уйти в безопасное место.

— Хочу надеяться, мистер Уорд, что округу не угрожает подобная опасность.

— Я тоже хотел бы этого, Строк. Да и трудно поверить, чтобы в этой части Голубых гор существовал вулкан. Аппалачские горы вовсе не вулканического происхождения. Однако, если судить по полученным нами донесениям, над Грейт-Эйри видели пламя. Людям казалось, что они ощущают подземные толчки, или во всяком случае сотрясение почвы, даже в окрестностях Плезент-Гардена... Но воображаемые это явления или реальные? Вот что нужно установить.

— Этого требует осторожность, мистер Уорд, и не следовало бы откладывать...

— Так вот, Строк, мы и решили расследовать это дело. Нужно как можно скорее туда поехать, собрать там все сведения, расспросить жителей поселков и ферм. Мы решили выбрать для этого самого надежного агента, и этот агент вы, Строк.

— Очень рад, мистер Уорд, — воскликнул я, — и вы можете быть спокойны: я сделаю все, чтобы оправдать ваше доверие.

— Знаю, Строк, и считаю, что это поручение как раз подходит для вас.

— Больше, чем любое другое, мистер Уорд.

— У вас будет прекрасный случай проявить себя и, надеюсь, удовлетворить вашу страсть к приключениям, — ведь это отличительная черта вашего характера.

— Не отрицаю.

— К тому же вам предоставляется полная свобода действий. И если придется организовать восхождение, — что может обойтись не дешево, — вам будут отпущены неограниченные средства.

— Я сделаю все возможное, мистер Уорд, положитесь на меня.

— Но только, Строк, когда вы будете собирать сведения на месте, рекомендую вам действовать как можно осторожнее. Население там еще очень возбуждено. Не принимайте на веру все, что вам будут рассказывать, а главное, постарайтесь не вызвать там новой паники...

— Понимаю.

— Мы дадим вам рекомендательное письмо к мэру Моргантона, и он окажет вам содействие... Повторяю еще раз, будьте осторожны, Строк,

— Мы дадим вам рекомендательное письмо к мэру Моргантона, и он окажет вам содействие...

и привлекайте к расследованию только таких людей, которые будут вам совершенно необходимы. Мы не раз имели случай убедиться в вашем уме и ловкости и очень рассчитываем на то, что вы и теперь добьетесь успеха.

— Я не добьюсь его только в том случае, мистер Уорд, если натолкнусь на непреодолимые трудности; ведь в конце концов может случиться, что проникнуть за утесы Грейт-Эйри действительно невозможно, а если так...

— Если так, посмотрим. Повторяю, мы знаем, что вы самый любознательный из людей, — этого требует и ваша профессия, — а здесь представляется прекрасный случай удовлетворить вашу любознательность.

Мистер Уорд был прав.

— Когда я должен ехать? — спросил я.

— Завтра.

— Завтра я выеду из Вашингтона и послезавтра буду в Моргантоне.

— Сообщайте мне о ходе дела по почте или по телеграфу.

— Непременно, мистер Уорд. На прощанье позвольте еще раз поблагодарить вас за то, что вы поручили это расследование на Грейт-Эйри именно мне.

Мог ли я предполагать, что ожидало меня в будущем?

Я тут же вернулся домой, приготовился к отъезду, а на рассвете следующего дня скорый поезд уже мчал меня в столицу Северной Каролины.

Приехав в тот же вечер в Роли, я переночевал там, а после полудня поезд, курсирующий в западной части штата, доставил меня в Моргантон.

Собственно говоря, Моргантон — это всего лишь поселок. Он выстроен среди гористой местности, особенно богатой каменным углем, которого там добывается довольно много. Изобилие минеральных источников привлекает туда летом множество курортной публики. В окрестностях Моргантона процветает сельское хозяйство, земледельцы с успехом выращивают злаки. Поля перемежаются с торфяными или поросшими тростником болотами. Здесь много вечнозеленых лесов. Только одного недостает этой области — естественного газа, источника энергии, света и тепла, которым так богаты долины Аппалачских гор.

Благодаря хорошей плодородной почве окрестности Моргантона густо населены. Селения и фермы теснятся до самого подножия Аппалачских гор; они разбросаны то группами среди лесов, то поодиночке у первых отрогов горной цепи. Здесь насчитывается несколько тысяч жителей, которым угрожала бы большая опасность, если бы котловина Грейт-Эйри оказалась кратером вулкана. В случае извержения вся местность покроется шлаком и пеплом, в долину хлынут потоки лавы, а подземные толчки могут распространиться до Плезент-Гардена и Моргантона.

Мистер Элиас Смит, мэр Моргантона, был человек высокого роста и крепкого сложения, смелый, предприимчивый; ему было не более сорока лет, и здоровью его могли подивиться все врачи обеих Америк; ему нипочем были и зимняя стужа и летний зной, который в Северной Каролине иногда бывает невыносим. Он был страстным охотником и стрелял не только мелкого пушного зверя и пернатую дичь, которые в изобилии водятся на равнинах, прилегающих к Аппалачским горам, но ходил также на медведей и пантер, нередко встречающихся в густых кипарисовых лесах и в диких ущельях двойной цепи Аллеганских гор.

Элиас Смит, богатый землевладелец, имел несколько ферм в окрестностях Моргантона. Некоторыми из них он управлял сам. Он часто наве-

шал своих фермеров и все то время, когда не бывал у себя дома в поселке, проводил в разъездах и на охоте, которую страстно увлекался.

Под вечер я отправился к Элиасу Смигу. Его уже предупредили телеграммой, и он был дома. Я передал ему рекомендательное письмо мистера Уорда, и мы быстро познакомились.

Мэр Моргантона принял меня запросто, без церемоний. Он курил трубку, на столе у него стояла рюмка бренди. Служанка тотчас же принесла вторую рюмку, и, прежде чем начался разговор, мне пришлось выпить.

— Вы приехали от мистера Уорда, — сказал он мне добродушно, — так выпьем же сначала за здоровье мистера Уорда!

Пришлось чокнуться и осушить рюмки в честь директора департамента полиции.

— Ну, а теперь рассказывайте, — сказал Элиас Смит.

Тогда я сообщил мэру Моргантона о цели моего приезда в этот округ Северной Каролины. Я напомнил ему о явлениях, недавно имевших место в районе. Я обратил его внимание (и он согласился со мной) на то, как важно успокоить жителей округа или хотя бы предостеречь их. Я заявил ему, что власти совершенно справедливо встревожены таким положением вещей и по возможности хотят принять необходимые меры. Наконец, я добавил, что мой начальник уполномочил меня произвести быстрое и тщательное расследование всего этого дела и что я не намерен останавливаться ни перед какими затруднениями и затратами, так как министерство берет на себя все расходы по моей экспедиции.

Пока я говорил, Элиас Смит не произнес ни слова, зато несколько раз наполнял обе рюмки. Он то и дело пускал клубы дыма, и я видел, что он слушает меня с большим вниманием. По временам на его щеках появлялся румянец, а глаза блестели под густыми бровями. Очевидно, глава поселка Моргантон был сильно встревожен тем, что происходило на Грейт-Эйри, и не меньше меня горел желанием открыть причину этих явлений.

Когда я кончил свое сообщение, Элиас Смит с минуту молча смотрел на меня.

— Итак, — сказал он, — там, в Вашингтоне, хотят знать, что за штука скрывается в чреве этой Грейт-Эйри?..

— Да, мистер Смит...

— И вы тоже хотите это знать?..

— Разумеется!..

— Того же самого хочу и я, мистер Строк!

— Ну, если любознательность мэра Моргантона не уступает моей, то из нас получится хорошая пара!

— Понимаете, — добавил он, вытряхивая пепел из трубки, — я сам землевладелец и потому не могу не интересоваться тем, что происходит на Грейт-Эйри, а в качестве мэра я, конечно, обязан заботиться о безопасности жителей вверенного мне округа.

— Тогда у вас есть двойное основание постараться найти причину явлений, которые могут взбудоражить всю область!.. И, разумеется, они должны казаться вам необъяснимыми, а главное — небезопасными для местного населения...

— Прежде всего необъяснимыми, мистер Строк, потому что мне как-то не верится, чтобы на Грейт-Эйри был кратер. Ведь Аллеганские горы нигде не имеют вулканического характера. Нигде — ни в ущельях Кэмберленда, ни в долинах Голубых гор — нет никаких следов золы, шлака, лавы и других вулканических образований. Я не думаю, чтобы Моргантонскому округу угрожало что-нибудь с этой стороны.

— Вы полагаете, мистер Смит?

— Да, таково мое мнение.

— Что же вы скажете об этих подземных толчках, которые ощущались в окрестностях гор?

— Об этих толчках... об этих толчках... — повторил мистер Смит, качая головой. — Да были ли они в действительности, эти подземные толчки?.. Когда над горой появилось сильное пламя, я как раз находился на своей ферме в Уилдоне, на расстоянии меньше мили от Грейт-Эйри, и хотя в воздухе ощущался какой-то трепет, я не почувствовал никаких подземных толчков, ни поверхностных, ни глубинных.

— Однако, судя по донесениям, полученным мистером Уордом...

— Эти донесения составлены под влиянием паники! — заявил мэр Моргантона. — Во всяком случае, я в своем донесении не говорил о подземных толчках.

— Это нужно иметь в виду... Ну а пламя, показавшееся из-за скал?

— О, пламя, мистер Строк, это другое дело!.. Я видел его, видел собственными глазами, и даже на большом расстоянии облака были окрашены его заревом. Кроме того, с вершины доносился шум, похожий на свист выпускаемого из котла пара.

— Вы сами слышали этот свист?

— Сам... Я был совершенно оглушен!

— А не показалось ли вам, мистер Смит, что среди этого шума вы слышали словно сильные удары крыльев?

— Вот именно, мистер Строк. Но какая же гигантская птица могла подняться над горой, когда исчезли последние языки пламени? И какие же у нее должны были быть крылья?.. Я уже начинаю думать, что это лишь плод моего воображения!.. Грейт-Эйри — гнездо воздушных чудовищ! Но ведь мы бы уже давно заметили, как они парят над своим огромным скалистым пристанищем!.. Поистине за всем этим скрывается тайна, в которую до сих пор никому не удалось проникнуть.

— Мы проникнем в нее, мистер Смит, если вы не откажетесь помочь мне.

СОДЕРЖАНИЕ

РОБУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Перевод Я. З. Лесюка

<i>Глава первая</i> , в которой мир ученых и мир невежд в равной мере приведены в замешательство	7
<i>Глава вторая</i> , в которой члены Уэлдонского ученого общества спорят, но не приходят к согласию	15
<i>Глава третья</i> , в которой новое действующее лицо не нуждается в том, чтобы его представили, ибо делает это само	26
<i>Глава четвертая</i> , в которой, рассказывая о слуге Фриколлине, автор стремится восстановить доброе имя луны	34
<i>Глава пятая</i> , в которой председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества договариваются о прекращении вражды	42
<i>Глава шестая</i> , которую инженерам, механикам и другим ученым людям стоило бы, пожалуй, пропустить	50
<i>Глава седьмая</i> , в которой дядюшка Прудент и Фил Эванс по-прежнему не позволяют себя убедить	59
<i>Глава восьмая</i> , из которой видно, как Робур решил ответить на поставленный ему важный вопрос	69
<i>Глава девятая</i> , в которой «Альбатрос» преодолевает расстояние в десять тысяч километров и заканчивает перелет великолепным прыжком	79
<i>Глава десятая</i> , из которой читатель узнает, как и почему слуга Фриколлин оказался на буксире	92
<i>Глава одиннадцатая</i> , в которой гнев дядюшки Прудента возрастает пропорционально квадрату скорости воздушного корабля	104
<i>Глава двенадцатая</i> , в которой инженер Робур ведет себя так, будто он намерен добиваться премии Монтиона	112
<i>Глава тринадцатая</i> , в которой дядюшка Прудент и Фил Эванс пересекают океан, не страдая от морской болезни	124
<i>Глава четырнадцатая</i> , в которой «Альбатрос» совершает то, чего, пожалуй, никому не совершить	135
<i>Глава пятнадцатая</i> , в которой происходят события, поистине достойные того, чтобы о них рассказали	148
<i>Глава шестнадцатая</i> , которая, возможно, оставит читателя в прискорбной неизвестности	159

<i>Глава семнадцатая</i> , в которой сначала возвращаются на два месяца назад, а затем переносятся на девять месяцев вперед	165
<i>Глава восемнадцатая</i> , которая заканчивает, но не завершает правдивую историю об «Альбатросе»	176

ВЛАСТЕЛИН МИРА

Перевод А. И. Тетеревниковой и Д. Г. Лившиц

<i>Глава первая</i> . Что происходит в округе	189
<i>Глава вторая</i> . В Моргантоне	196
<i>Глава третья</i> . Грейт-Эйри	204
<i>Глава четвертая</i> . Гонки автомобильного клуба	215
<i>Глава пятая</i> . У побережья Новой Англии	224
<i>Глава шестая</i> . Первое письмо	232
<i>Глава седьмая</i> . Третья неожиданность	239
<i>Глава восьмая</i> . Любой ценой	248
<i>Глава девятая</i> . Второе письмо	256
<i>Глава десятая</i> . Вне закона	257
<i>Глава одиннадцатая</i> . В походе	263
<i>Глава двенадцатая</i> . Бухта Блек-Рок	270
<i>Глава тринадцатая</i> . На борту «Грозного»	279
<i>Глава четырнадцатая</i> . Ниагара	287
<i>Глава пятнадцатая</i> . «Орлиное гнездо»	296
<i>Глава шестнадцатая</i> . Робур-Завоеватель	303
<i>Глава семнадцатая</i> . «Именем закона»	311
<i>Глава восемнадцатая</i> . Последнее слово остается за старой Грэд	321